

УДК 94(4)“15”

**ПЕРЕХОД ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ К НОВОМУ ВРЕМЕНИ:
МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ***канд. ист. наук, доц. Л. Я. КЛИМУТЬ**(Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова)*

XVI век – это период глубоких трансформаций в европейском обществе. Изменения затронули политическую, экономическую и духовную жизнь людей. Это время стало переходным периодом между Средневековьем и Новым временем. Основным аспектам этого перехода уделено внимание в статье. Рассматриваются демографический, политический, экономический и религиозный аспекты XVI века как переходного периода от Средневековья к Раннему Новому времени. Уделяется внимание изменениям в военном деле и развитии культуры, началу европейской экспансии и колонизации недавно открытых земель. Затрагиваются некоторые аспекты социальной структуры общества. Подчеркивается сложность и противоречивость трансформаций, происходивших в XVI веке, и приверженность прежним моделям во многих сферах жизни, что делало процесс изменений в этих сферах достаточно болезненным.

Ключевые слова: XVI век, Раннее Новое время, Ренессанс, религия, Реформация, трансформация общества

Введение. Датировка окончания Средневековья в Западной Европе – спорная и не решенная до конца на сегодняшний день проблема. Этот вопрос относится к разряду тех дискуссионных вопросов, споры по которым до сих пор не утратили актуальности. Можно было бы привести ряд аргументов в пользу той или иной точки зрения, однако цель данной статьи не в этом. Нами не ставится задача установить хронологические рамки Средневековья или Нового времени. Скорее, это попытка понять, что собой представлял переход от мира Средневековья к миру Нового времени, несмотря на все разногласия среди ученых в отношении датировок этих периодов. В любом случае это был сложный процесс, повлекший за собой изменения в менталитете, образе жизни, отношении к миру и государству, во взаимоотношениях в обществе. Поэтому в данном исследовании уделяется внимание тем материальным и интеллектуальным изменениям, которые свидетельствовали о том, что общество переживает кардинальные перемены, в общем-то, и повлекшие за собой переход к новой исторической эпохе.

XVI век можно рассматривать как поворотный пункт в истории Европы. Европа конца XV в. все еще ориентировалась на политическое, интеллектуальное и духовное наследие Средневековья. К XVIII в. все ориентиры изменились. Европейцы пережили первую волну технологической массовой коммуникации и первый период идеологически мотивированных изменений и конфликтов. Они столкнулись с увеличившимся в размерах миром, который был им незнаком и которому они попытались навязать свои культурные ценности. Поначалу в историографии эта трансформация европейской культуры от регионального феномена к доминирующей мировой силе рассматривалась как неоспоримое свидетельство неизбежности триумфа Европы над остальным миром, благодаря ее прогрессивному развитию. Однако сегодня историки по-другому подходят к трактовке этого периода. XVI век можно считать эпохой приспособления, временем, когда люди были вынуждены размышлять о таких вещах, которые ранее считались немислимыми. С такими радикальными изменениями в ментальной жизни пришли разного рода травмы и конфликты как для самих европейцев, так и для тех, с кем они столкнулись, поэтому возможно рассматривать XVI век как отдельный переломный период, или переход от одной эпохи к другой.

Основная часть. Фундаментальные демографические, экономические и культурные изменения происходили уже в середине XV века. Эти изменения сопровождались укреплением и усилением государственной власти и, можно так сказать, формированием по-настоящему суверенных государств. Уже в XV в. из уст монархов раздаются идеи о верховенстве королевских прерогатив над местными законами и обычаями. Они могли оставаться только словами, не воплощенными в дело, но это был важный знак в изменении восприятия отношений между государством и подданными. Реальная власть, тем не менее, по-прежнему оставалась в руках знати, городских советов и пр. Изменения в этом отношении займут не одно столетие. Однако именно сейчас появляются «первые ростки» этих изменений.

В течение столетия, последовавшего за спадом интенсивности эпидемий бубонной чумы, население Европы восстанавливалось до прежнего уровня. К 1500 г. число европейских жителей составляло около 90 млн. [1, с. 93]. Естественным образом прирост населения вел к конкуренции за землю и рабочие места. В результате, большое количество населения покидало сельскую местность и отправлялось в города, которые стали местом формирования новых ценностей и нового взгляда на жизнь. Поначалу в Северной Италии, а затем и по всей Европе торговые, культурные и политические процессы определяли

повседневную жизнь людей и их мировоззрение. Средневековый феодализм с его общинными ценностями уступал дорогу конкурентному капитализму с его индивидуалистической этикой.

Торговля приносила новое богатство, благодаря чему меняется состав заказчиков искусства. Теперь зажиточные купцы становятся покровителями искусства и образования и поддерживают тех правителей, которые, на их взгляд, способны были обеспечить им внутреннюю безопасность, необходимую для роста экономики.

Наблюдался рост в развитии военных технологий. Использование пороха и артиллерии с ее разрушительной силой вело к введению новых налогов; а это, в свою очередь, – ко все большим затратам на военную мощь. Повсеместным явлением становится набор и обучение тяжело вооруженной армии, состоящей из людей простого звания. Армию начинают использовать и в мирное время для подавления бунтов и преследования инакомыслящих. Она становится настоящим инструментом власти. Государства продолжают прибегать к войне для того, чтобы распутать сложные клубки противоречий, унаследованные из Средневековья, но эти войны становятся более масштабными, дорогостоящими и сильнее влияют на жизни граждан, не участвующих в них напрямую. Этому аспекту уделяет внимание Ф. Бродель в своем исследовании *Capitalism and Material Life, 1400–1800*. [2; см. также Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв. – М.: Весь мир, 2006. – 3 т.].

Многие исследователи используют термины «военная революция» или «революция в военном деле», чтобы подчеркнуть, насколько менялась тактика и технология ведения войны в переходный между Средневековьем и Новым временем период. И хотя с таким определением согласны не все, бесспорным является то, что в Раннее Новое время война служила в том числе делу изменений и распространения культурных ценностей. Война порождала передвижение людей по континенту, и эти люди приносили с собой новые взгляды или открытия в те местности, куда они устремлялись. Безусловно, это не было добровольным переселением, скорее наоборот, разрушение сложившегося уклада жизни сотен семей, но данный процесс способствовал распространению идей в Европе. Нельзя забывать и о профессиональных солдатах – наемниках, которые могли служить разным государствам и внесли свой вклад в распространение по континенту культурных и ментальных установок, не говоря уже о распространении технологий. Вместе с тем, войны сопровождалась перемещением текстов и образов. Изобретение печатного станка позволило профессиональным солдатам перевести свой опыт в печатную форму. Конечно же, распространение военной литературы – это часть более всеобъемлющей революции в книгопечатании, но оно вносило свой вклад в формирование в начале XVII в. активной публичной сферы, т.е. общественности в нашем понимании, в таких странах, как Англия. Таким образом, менялась как технология войны, так и ее роль в косвенном распространении новых идей, хотя эту роль не стоит излишне преувеличивать, поскольку главными итогами войн на территориях, где они велись, были разрушения и экономическая и культурная стагнация.

Развитие военной технологии частично объясняет и многочисленные успехи европейцев в освоении новых территорий, т.е. в открытии, эксплуатации и колонизации новых земель. Рубеж XV – XVI вв. был, бесспорно, ключевым моментом в изменении представлений европейцев об окружающем мире. На протяжении Средневековья эти представления были ограниченными и неполными, определявшимися как точной информацией, так и сведениями из сказок и легенд.

Проблема накануне открытия Америки заключалась не в том, что эти места и люди считались новыми и странными. Скорее, европейцы воспринимали их, как и все экзотическое и незнакомое, в рамках аналогий тем вещам, которые они уже знали и понимали. Кроме того, просто немислимо было, чтобы классические космологи и географы, не говоря уже о Священном Писании, могли упустить такую важную информацию и представить неверную картину мира. В мире, где можно было найти гигантов и чудовищ и прочитать их детальное описание в литературе, вполне возможно было оспорить принадлежность к человеческой расе тех, кого обнаружили в Америке. Средневековые европейцы были не готовы в интеллектуальном, культурном и моральном смысле к роли колониальных правителей мира.

Открытие Америки столкнуло европейцев с целым рядом нехристианских верований и социальных практик, а возросший интерес к интеллектуальному и художественному наследию дохристианских Греции и Рима ставил под вопрос гегемонию христианского мировоззрения. Радикально менялись представления о физическом мире, в котором жили люди. Ученые рисовали новую картину природы, более механистическую и имперсональную, не такую, которая была знакома предыдущим поколениям по Библии. Весьма значимым фактором является раскол Европы в начале XVI в. на различные религиозные сообщества. Начинают возникать национальные церкви, а государство стремится установить свой контроль над этими институтами. Фактически рушилась средневековая концепция единого христианского сообщества под руководством и духовным лидерством Папы Римского.

В политической и военной сфере временем постепенного завершения определенного периода европейской истории стала середина XV в. Англичане были окончательно изгнаны из Гаскони в 1453 г. Наступил сорокалетний период внутреннего мира в Центральной Италии. В остальной Европе конец XV в. был последним вздохом традиционной феодальной и рыцарской войны, которая быстро устаревала.

Крупные изменения и инновации, предвещавшие окончание Средневековья, стимулировали восхищение давним прошлым и подражание ему. Конкретным проявлением этой тенденции стало движение, получившее название «Возрождение», или «Ренессанс». Уже в конце XIV в. были европейцы, которые обращались к греческой и римской Античности в поисках художественного и философского совершенства. Но непосредственно то негативное отношение к Средневековью, с которым ассоциируется Ренессанс, в различной и выраженной форме появилось в середине XV в.

Важным фактором было взятие турками Константинополя 29 мая 1453 г. Многие византийские ученые бежали на Запад, в частности, в Италию, захватив с собой манускрипты античных текстов, хранившихся в византийских библиотеках. Эти документы произвели настоящую революцию.

В начале XVI в. культура итальянского Возрождения начала оказывать мощное влияние на Европу. Итальянский гуманизм передал на север Европы множество своих достижений. Одно из них было лингвистическим: более классическая латынь и знание греческого и иврита, практически неизвестных в Средневековье. Языки открыли доступ к классической литературе. Было издано большое количество сначала латинских авторов, а затем и классической греческой литературы. Кроме того, большое количество классической литературы было издано на народных языках. Еще большее значение имела сама концепция Ренессанса, т.е. культурного возрождения, поскольку гуманисты вырабатывали свой взгляд на Европу и свое место в ней. Они проповедовали возвышенную уверенность в том, что античную цивилизацию можно восстановить, если гуманисты смогут снова открыть наследие Античности. Эти тенденции привели к требованиям реформировать школы и университеты, чтобы в них меньше внимания уделялось некоторым предметам, доминировавшим в Средневековье, а больше – классическим языкам и литературе. Хотя средневековая программа образования сохранялась и в XVII в., гуманистическое влияние на него росло на протяжении всего XVI в.

Ренессанс характеризуется вниманием к мирским проблемам и светской власти, прославлением творчества и индивидуальности человека. Художники, ученые и мыслители Ренессанса стремились воспроизвести антропоцентричное восприятие мира, которое лежало в основе Античности. В целом Ренессанс обычно ассоциируется с городской культурой. Европейцы видели в античных ценностях, особенно приоритете образования и этических принципах, вечные стандарты, от которых в Средневековье непоследовательно отказались «эгоистичные» священники и правители.

Важной составляющей гуманистической культуры была идея активной жизни (*vita activa*) в противоположность созерцательному опыту Средневековья с его устремлением в жизнь иную. С появлением печатного станка в конце XV в. гуманистические идеалы стали быстро распространяться, проникая в университеты, и ко дворам государей.

Тем не менее, Европа к XVI веку еще только приходила к пониманию литературного, художественного и философского феномена под названием Ренессанс. Небольшие группы ученых, образованных людей и художников уже в течение ста лет утверждали, что они решительно порвали с тем, что они сами называли «средние века» – промежуточный период между греко-римской античностью и их собственным временем. В Италии конца XV в. люди Ренессанса уже были на культурном подъеме: они представляли моду и вкусы времени.

Ситуация к северу от Альп была гораздо более сложной. Ренессанс представлял собой иностранное, даже экзотическое вторжение в утонченную и хорошо сформулированную литературную и художественную культуру. Горстка французских, немецких и английских ученых восприняла этот стиль к середине XV в., но они не представляли собой большинство, и нельзя даже сказать, что они были самыми мощными силами в искусстве и культуре. Иногда местные представители Ренессанса претенциозно преувеличивали свою борьбу с «варварами» и «клеветниками», приписывая себе воображаемую или добровольную изоляцию, не отражавшую в реальности их положение в академических или культурных кругах [3, с. 6]. Но вопрос их интеграции в более широкий культурный мир Европы находится вне темы данного исследования.

Все эти трансформации внесли свой уникальный вклад как в политическую, так и в культурную жизнь Европы. Соответственно, они же повлияли и на изменения в восприятии людьми мира и собственного места в нем, предопределив рождение самосознания Нового времени. Этот период отмечен ростом централизованной государственной власти и упадком власти земельной аристократии и духовенства. Наблюдается постепенная секуляризация политической власти, что станет важным фактором перехода к ментальности Нового времени.

Безусловно, нельзя упустить и значение религиозных перемен. Реформация занимает двойственное место в интеллектуальной истории Европы Раннего Нового времени. С одной стороны, она способствовала развитию и признанию индивидуального самосознания, с другой стороны, ее идеи возвращали к средневековому миру теократического правления и эмоциональной религиозности. Несмотря на сотни различий между отдельными направлениями протестантизма, почти все они верили в необходимость цивилизации, управляемой церковью, где моральные принципы и кодекс поведения определяет церковь,

а внедряет государство, используя методы убеждения и принуждения. По словам Р. Бейнтон, Реформация сделала религию главным вопросом, в том числе и в политике, на следующие 150 лет [4, с. 12]. Как и в средневековом католицизме, беспокойство протестантов о душе вело к необходимости дисциплинировать земных грешников. Достаточно вспомнить, что две ведущие фигуры ранней Реформации – Мартин Лютер (1483 – 1546) и Жан Кальвин (1509 – 1564) – были глубоко консервативными христианами. Они рассматривали человеческую природу с пессимизмом, ни один из них не выступал за социальные изменения и наделение политической властью формировавшегося торгового класса. Они были преданы идее реставрации изначального христианства и отвергали все формы примирения с миром [5, с. 126]. Но стремление основателей протестантизма оспорить абсолютную власть Папы Римского и легитимность иерархической структуры церкви наряду с их идеей о равенстве всех христиан в их отношениях с Богом послужили мощным, хотя и ненамеренным, ударом по установившемуся порядку во всех аспектах жизни. Здесь уместно привести слова Фрэнклина Ван Баумера: «Реформаторы внесли свой вклад в индивидуализм, хотя ни один из них не был индивидуалистом в современном смысле этого слова; в национализм, хотя они надеялись восстановить христианское единство; в демократию, хотя вряд ли кто-то из них был демократом; в «капиталистический дух», хотя они крайне подозрительно относились к капитализму; и, на самом деле, в секуляризацию общества, хотя их целью было как раз обратное» [6, с. 169].

XVI век был самым сложным веком для европейского христианства. В 1500 г. население Западной Европы принадлежало к международной церкви, теоретически служившей всем. Ересь в целом, при наличии небольшого количества вальденсов и других еретиков, была только бледным подобием того, что было раньше. И совершенно противоположная ситуация наблюдается к 1600 г., когда многие европейские народы начали осознавать, что они католики, лютеране и т.п. Не обладавшие достаточным образованием люди чувствовали необходимость знать, почему они те, кем они являются. Принадлежность к той или иной крупной или мелкой конфессии на Западе определяла не только сознание человека, но и его политические взгляды.

Европа накануне Реформации была, на внешний взгляд, не просто очень религиозной культурой, но также очень конформистской культурой. Есть множество свидетельств энтузиазма европейцев в отношении церковной жизни. Соборы и приходские церкви перестраивались и украшались по самой последней моде. В больших количествах заказывали алтари. На всех уровнях общества христиане переживали физический контакт со священным в форме реликвий и чудотворных образов. Другими словами, ничто не предвещало европейцам крупных изменений в религиозной жизни. С другой стороны, критика моральных и дисциплинарных недостатков многих священников, недовольство юридическим иммунитетом и политическим вмешательством в определенном смысле были усвоены. Это значит, что лидеры самого духовенства признавали необходимость улучшений и серьезно боролись за то, чтобы их провести.

Интеллектуалы Северного Возрождения по большей части были традиционно преданы христианству, но некоторые из этих утонченных душ, включая многих высших сановников церкви, находили затруднительным верить в то, что спасение души в буквальном смысле зависит от количества отслуженных месс, совершенных паломничеств и проведенных ритуалов раскаяния. В XIII в. такие представления о спасении души были свежими и жизненными. К концу XV в. они все еще были сильны и официально не оспорены, но элита Европы начала уже разочаровываться в претензиях не элегантно изложенной теологии в сочетании с завышенным количеством месс и прочих ритуалов, она задавалась вопросом: неужели это единственный путь к божественному? Однако это еще не была сформулированная критика.

Реформация подняла ряд вопросов, но эра конфессиональной ортодоксии и в протестантских, и в католических странах снова закрыла их. Попытки провести четкую разделительную линию между периодом Реформации и периодом конфессионализма часто не дают результата. Современных исследователей нередко привлекает ранняя Реформация из-за ее расплывчатости, открытости и потенциальных возможностей. Однако эта расплывчатость не могла существовать постоянно. Это был побочный продукт поисков высшей истины, а не цель. Религиозные люди XVI в. верили, что абсолютную истину можно найти в текстах Писания, а найдя, ее следует провозглашать и защищать. Суровость и воинственность периода конфессионализма была естественным следствием Реформации, а не предательством ее идеалов. Трагедия XVII в. была в том, что понадобилось очень много времени, чтобы понять, что ни один набор догм не может претендовать на право истины в высшей инстанции.

В социальном отношении XVI век также является определенным рубежом. В социальной структуре Позднего Средневековья все еще доминировал класс военной аристократии. Но около 1500 г. начали появляться знаки того, что будущее будет принадлежать политической служащей элите. Книги советов придворным уже предвещали рождение более культурного и утонченного человека. Все более на управление политическими делами, а со временем и на формулирование политики, будет влиять светский административный класс, члены которого происходили не из традиционной военной знати и не из духовенства (хотя эти слои сохраняют значение).

Медленный и постепенный рост административного слоя сопровождался едва различимым, но глубоким изменением в том, как работали управление и политика. XV век был периодом постепенного роста использования бумаги. Бумага не только сделала возможным производство более дешевых и доступных книг, но и способствовала развитию административной и повседневной корреспонденции. Правительство могло фиксировать свои решения и споры. Но был и риск для отдельных людей в записи своих мыслей на бумаге. Множество дошедших до нас писем времен Реформации имеют пометку «после прочтения сжечь» [3, с. 4]. В XVI в. масштаб и разнообразие письменных свидетельств деятельности европейцев будут нарастать.

Ниже уровня правящей элиты изменения происходили не так резко. Следует помнить, что в это время стабильность и постоянство социального порядка представляли собой идеал. Изменения в лучшем случае были неизбежной и нежеланной необходимостью. Общественная иерархия была достаточно четкой. Кроме того, наряду с мирянами внутри Европы существовало сложное параллельное общество духовенства. В определенном смысле духовенство было выше остального общества благодаря своему привилегированному статусу, своему освобождению (иногда теоретическому) от фискальных и военных требований, наложенных государством, и благодаря своей священной власти. Это было параллельное общество также и потому, что оно состояло из собственной знати, среднего класса и низов, подвергавшихся такому же политическому давлению, хотя и в несколько иной форме.

Описание общества в терминах классов отдает приоритет экономическим факторам, управляющим отношениями между людьми, в основном в области контроля над средствами производства. Стронники сословного деления утверждали, что общество XVI – XVII вв. было намного более иерархически структурировано в отношении статуса и сословий, чем в феодальном прошлом. При этом рождение, престижная роль в обществе, степень зависимости от вышестоящего, честь, военная доблесть могли быть более важными, чем экономические и финансовые отношения и контроль над ресурсами и трудом. В последнее время историки начинают подчеркивать сложность, с которой европейцы Раннего Нового времени воспринимали и описывали собственное общество. Они также включают намного больше факторов в отношения между людьми, идя дальше простых властных, юридических, семейных и экономических отношений и заимствуя социально-антропологические концепции и подходы.

В анализ общества следовало бы включать рассмотрение в целом того, как человек и его/ее семья взаимодействовали с другими. Уместно было бы рассмотреть физическое пространство, экономические отношения нанимателя и наемного работника, институциональные рамки, ощущение общности или отчуждения, ментальные отношения друг к другу от уважения до страха, средства коммуникации (жесты, пространственные отношения, язык). XVI век дает нам материал для изучения того, как могли меняться социальные отношения. При этом, исследуя всю Европу, мы должны учитывать, насколько велик был разрыв между Западной и Восточной Европой или между Севером и Югом. Однако изучение этих вопросов потребовало бы отдельного исследования, не ограниченного рамками статьи.

Нельзя обойти вниманием и экономическое развитие. В экономике Европы XVI века традиционно выделяют три черты. Во-первых, земли Западного Средиземноморья – Италия и Иберия, когда-то центр средневековой экономики, были в состоянии застоя, так как центр экономической тяжести переместился на северо-запад к Атлантике вслед за географическими открытиями. Во-вторых, в экономическом смысле границы XVI века можно условно обозначить с 1470 г. до 1650-х гг. Во время так называемого «длинного XVI века» совершился цикл экономического развития, который проявился в восстановлении уровня населения до того момента, когда давление на ресурсы – землю и продукты, которые она давала – снова привело к голоду, смертям и экономическому упадку. Это сопровождалось беспрецедентным ростом цен («революция цен») и обеднением широких слоев населения. В-третьих, «длинный XVI век» отмечают как начало капитализма. И. Валлерстайн выделяет раннекапиталистическую мир-экономику, в которой прежде процветающие центры стали полупериферией и начали доминировать периферийные экономики как в самой Европе, так и в заморских территориях, включенных в эксплуататорские колониальные отношения [7].

В свою очередь, этот подход подвергается критике, по крайней мере в отношении периода до 1600 г. Влияние Нового Света на экономику Европы в смысле инфляционного и дестабилизирующего воздействия ввоза большого количества слитков драгоценных металлов не ощущалось до 1580-х гг., а решительный поворот от средиземноморской к атлантической экономике произошел за период примерно в 30 лет (с 1590 по 1620 г.). Кроме того, дисбаланс между населением, землей и ресурсами уже наблюдался во многих частях Европы до 1600 г. Также в анализе И. Валлерстайна не учитывается роль восточно-европейских земель, экономика которых в XVI в. впервые была интегрирована (не важно, с каким итогом) в европейскую экономику. Вклад же Нового Света в валовой внутренний продукт европейской экономики XVI в., по-видимому, был еще незначительным.

В Раннее Новое время происходят значительные экономические изменения. Возникновение сельскохозяйственного капитализма прежде всего порождает несколько спорных проблем. Можно ли торго-

вую, экспортную экономику Северо-Восточной Европы, основанную на латифундиях во владении дворян, сравнить с расширением аристократического землевладения в Англии? Многие ученые указывают на очевидную схожесть между поместьями, обрабатываемыми крепостными крестьянами, и плантационной экономикой Нового Света с ее рабским трудом. Но экономику германских земель нельзя назвать в полном смысле слова капиталистической, поскольку у помещиков было немного затрат на производство, и они были мене подвержены колебанию цен на рынке. В данных условиях падение цен не обязательно вело к сокращению производства, так как доступность принудительного труда могла породить рост производительности в виде компенсации. Сегодня некоторые историки используют в отношении экономики Восточной Европы термин «рыночно ориентированный феодализм» [8, с. 78].

Предвестником современных методов зарабатывания капитала было возникновение акционерных компаний. Впервые они появились в Северных Нидерландах в XV в., когда нужен был капитал для кораблестроения и торговли. К концу XVI в. акционерные компании контролировали заморскую торговлю Англии.

Для экономики XVI в. характерно использование кредита и кредитных инструментов. Всем известна история Антверпена как центра финансов и торговли. Но можно привести в пример и Базель как финансовую столицу Швейцарской конфедерации.

Происходит процесс переноса технологий, поскольку спасающиеся от религиозных преследований приносят с собой в Голландию свои знания и умения. Этот процесс не ограничивался Нидерландами: из Франции и Италии в Женеву бежали кальвинисты. Можно также вспомнить изгнание морисков из Испании в начале XVII в., но, конечно, самая крупная экономическая диаспора – это беженцы из габсбургских Нидерландов.

Торговцы и финансисты были выскочками в мире феодально-аристократических ценностей и стремились получить знатные титулы и поместья. Классический пример такой тенденции возврата к феодализму или, как называл Бродель, «предательства буржуазии», – это Фугтеры, которые в XVII в. владели поместьями стоимостью в 2 млн. флоринов (такую же сумму они потеряют из-за банкротства испанской короны в 1607 г.) [3, с. 56]. Все же к XVII в. стремление жить на ренту перевесило возможные прибыли от предпринимательских инвестиций, а Англия и Голландия – это лишь исключения, подтверждающие правило.

Заключение. Историки традиционно размещают XVI век в Раннее Новое время. Сам этот термин несколько противоречив, тем не менее, таково официальное название. XVI – XVIII вв., взятые в целом, демонстрируют некоторую траекторию развития, которая приведет Европу к разнообразной и нерегулируемой мировой потребительской экономике, свободному перемещению идей, освобождению естественных наук от метафизики, к религиозной толерантности и политической системе, основанной на прагматизме, коллективной суверенности и общей ответственности. Безусловно, ни одна из этих тенденций еще не сложилась полностью даже к XIX в., не говоря уже о XVII в. Более того, мало кто из европейцев тогда считал эти результаты желанными или в принципе возможными. Это был итог того, что называют логикой развития событий.

Политика – та область, где наименее всего можно искать некую модель или четкую линию развития, ведь падение и возвышение династий не несет в себе очевидной логической необходимости. Вместе с тем, в теории, в основных правилах политики можно различить некоторые тенденции. Можно отметить, что политика больше не являлась подразделением религиозной этики. XVI век поставил вопрос о том, что такое суверенность, а XVII век приложил много усилий в попытках ответить на этот вопрос. Но меняющиеся теории могли очень слабо отражаться на практике. Самые авторитарные правители XVII в., например, Фердинанд II или Людовик XIV, постоянно обращали внимание на советы своих духовников. Оба были абсолютно готовы к тому, чтобы принимать политические решения (1629 и 1685 гг. соответственно), противоречащие их материальным и прагматическим интересам, явно по религиозным соображениям.

В случае же военного дела и военных технологий изменения весьма заметны. Наблюдается четкое прогрессивное развитие. Военные тенденции XVII в. показывают значительные расхождения с XVI в. в частности, размер армий и следующее из этого значение их надлежащего снабжения росли в XVII в.

Можно утверждать, что самой яркой тенденцией Раннего Нового времени является то, что европейцы, у которых были средства, все больше и больше денег тратили на все виды товаров и все виды деятельности. Возросло количество ресурсов и труда, затраченных на изготовление всех этих потребительских товаров, в том числе товаров роскоши. Появилась декоративная мода, которая менялась с возрастающей скоростью. Количественная значимость товаров роскоши (сахар, специи, шелк), ввозимых из далеких уголков мира, может преувеличиваться, особенно в высказываниях моралистов, но, без сомнения, торговля дорогими товарами постоянно расширялась на протяжении XVII в.

В области натурфилософии непосредственная связь между XVI и XVII веками сложна и проблематична. С одной стороны, историки науки могут указать на развитие математической и механической космологий и утверждать, что имеет значение только тенденция «механической философии». С другой стороны, мы видим оккультизм, эзотерику, поиски античной теологии в герметизме и каббализме. Поэтому на сегодняшний день распространенным становится мнение о том, что многие оккультные модели мышления содержали в себе зародыши экспериментальной мысли, особенно учитывая тот факт, что мно-

гие представители так называемой «механической философии» от Иоганна Кеплера до Исаака Ньютона интересовались эзотерикой. Следует отметить, что мыслители Раннего Нового времени не знали, какое направление исследований окажется плодотворным, поэтому использовали множество возможностей, которые сегодня могут показаться странными. Не было ясного пути, чтобы лучше объяснить, что удерживает единство вселенной – магнетизм или сила притяжения. Мыслители Возрождения нащупывали путь к новой эпистемологии. В Средневековье истину преимущественно определял авторитет и «правильное размышление», что на практике означало правила академической логики. На протяжении XVI в. некоторые формы текстовых авторитетов теряли значение, а другие, наоборот, приобретали, как это было с текстами обретенных античных авторов.

Переход от XVI к XVII в. особенно очевиден в области христианской истории. Период приблизительно с 1560 г. до конца XVII в. называют «конфессиональной эпохой». С разных точек зрения этот период может представляться либо воплощением, либо предательством, Реформации. Если считать, что Реформация и Контрреформация предложили свои «правильные» версии христианского учения, то конфессиональная эра их укрепила. Если же Реформация – это разнообразие идей и взглядов, свобода человека выражать свои мысли, то тогда конфессиональная эпоха – это отказ от передовых идей. Немецкие историки определяют это время как систематический и догматический контроль над населением со стороны религиозного правителя, что можно видеть и на протестантских, и на католических территориях.

И все же необходимо повторить, что нет четкого разделения по целям и намерениям между первым и вторым поколениями реформаторов и дальнейшими теологами. Во-первых, религиозные лидеры XVI в. уже не признавали плюрализма. Их проблема состояла в том, что они не могли прийти к согласию по вопросу того, в чем заключается истина. Они ни придерживались идеи сосуществования религий, а выступали за единственно возможную истину. Во-вторых, и в конфессиональный период при сопутствующих обстоятельствах мог начаться хаос. Так, в Англии в 1640-х – 1650-х гг. религиозная власть государственной церкви и епископата пошатнулась, в результате чего наблюдались те же последствия: появилось огромное количество печатных мастерских, выпускавших разнообразную литературу; возникли разнообразные секты; миряне писали и проповедовали во всех контекстах, ранее считавшихся неприемлемыми. После того, как все закончилось, в Англии наблюдалась та же реакция, направленная на внедрение дисциплины в массы, как и в Германии после 1525 г. Ни одной конфессии так и не удалось уничтожить соперников. В конце концов, правители отказались от попыток принудить своих подданных подчиняться своему выбору веры. И, пока Бог позволял существовать различным проявлениям христианства, все более и более открывалась вероятность того, что может существовать не одна истинная вера. В 1699 г. лютеранский пиетист Готфрид Арнольд писал: «Неразделимая вселенская церковь... не связана с конкретным видимым обществом, она распространена и рассыпана по всему миру среди всех народов и конгрегаций... И очень тяжело сказать, которую из конгрегаций можно назвать истинной церковью» [3, с. 206].

XVI век был не только веком открытий и столкновения с неизвестным. Это был период торговой эксплуатации и империалистического расширения Европы. Безусловно, первый период этого развития отличался некоторой экономической наивностью. Но было бы ошибочным противопоставлять XVI век как период разграбления сокровищ XVII веку как периоду плантаций и торговли. Испанский флот, перевозивший драгоценности, плавал и в XVII в., а англичане и голландцы приступили к тому же типу колониализма, который характеризовал Испанию XVI в. Они воссоздавали европейские общества за океаном, торговали предметами роскоши с экзотическими народами и создали эксплуататорские плантации, основанные на принудительном или рабском труде для обеспечения метрополии сырьем. Для европейцев было нечто особенное в том, чтобы иметь удаленные колонии. Можно было вести мелкие колониальные войны друг с другом на относительно низком уровне интенсивности так, что это не портило отношений между метрополиями в Европе.

Каждый век ставит проблемы, которые предстоит решить следующему веку. Но это клише, как никогда, применимо к связи между XVI и XVII веками. XVI век был эпохой быстрого и болезненного приспособления к прежде невиданным неопределенности и дилеммам. Экономическая экспансия для сельскохозяйственной и торговой сфер стала проверкой, которую они не выдержали. Политическая суверенность перестала ограничиваться средневековыми установлениями параллельных иерархий папства и империи. Схоластический синтез метафизики и натурфилософии лишился своей исключительной привлекательности для интеллектуалов. Становилось все более ясно, что в некоторых областях знания авторитет древних нужно оставить позади. Прежде всего, европейцы больше не могли быть уверены в том, как воспринимать творца всего земного, в которого верило абсолютное большинство. Две конфликтующие и конкурирующие системы – спасение через очищение таинствами и праведность через веру – включились в структуры церкви и общества. И, наконец, европейцам пришлось принять и осознать те возможности, которые предоставлял им огромный мир других континентов и чужих народов. Единственным способом им казалось навязывание европейской точки зрения и понимания жизни всем тем народам, которые открывали европейцы. Конечно же, XVII веку предстояло найти новые ответы на эти вопросы. Вполне предсказуемо таким отве-

том могло быть стремление к большему контролю, внедрению дисциплины, регулированию, кодификации и систематизации новых явлений жизни. Это поставит новые проблемы и новые трудные задачи, которые предстоит решать будущим эпохам. Европейским народам придется в корне менять представление о своем месте в мире, в процессе чего и рождалось Новое время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Риер, Я. Г. Историческая демография : учеб. пособие для студентов исторических специальностей учреждений, обеспечивающих получение высшего образования / Я. Г. Риер. – 2-е изд. доп. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2006. – 160 с.
2. Braudel, F. Capitalism and Material Life, 1400–1800 / F. Braudel. – New York : HarperCollins, 1973. – 478 p.
3. The Sixteenth Century / E. Cameron [ed.]. – Oxford University Press, 2006. – 276 p.
4. Bainton, R. The Age of the Reformation / R. Bainton. – Krieger Pub Co, 1983. – 192 p.
5. Berki, R. N. The History of Political Thought: A Short Introduction / R.N. Berki. – London : Rowman and Littlefield, 1977. – 216 p.
6. Main Currents of Western Thought / Franklin Le Van Baumer [ed.]. – New Haven : Yale University Press, 1978. – 808 p.
7. Валлерстайн, И. Мир-системный анализ [Электронный ресурс] / И. Валлерстайн. – Режим доступа: <https://nsu.ru/filf/rpha/papers/geoecon/waller.htm#topic2>. – Дата доступа: 04.11.2018.
8. Duplessis, R. S. Transitions to Capitalism in Early Modern Europe / R. S. Duplessis. – Cambridge University Press, 1997. – 348 p.

Поступила 28.06.2019

**TRANSITION FROM THE MIDDLE AGES TO THE NEW TIME:
MATERIAL AND SPIRITUAL COMPONENTS**

L. KLIMOUT

The 16th century was a period of profound transformations in European society. The transformations affected political, economic, and spiritual life. This was a period of transition from the Middle Ages to modernity. The article deals with main aspects of this transition. The article concentrates on demographic, political, economic and religious aspects of the 16th century as a transition period from the Middle Ages to modernity. Military and cultural changes, beginning of European expansion and colonization of newly discovered territories are stressed. Several aspects of the social organization of the period are touched upon. The article states complexity and inconsistency of the transformations occurring in the XVI century and adherence to previous modes of life, which makes the process of transformation more painful.

Keywords: 16th century, early-modern time, Renaissance, religion, Reformation, transformation of society.